

НАША СТРАНА

Год издания 75-й. Буэнос Айрес, 18 сентября 2023

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 18 de setiembre de 2023

No 3206

РУПОРУ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ 75 ЛЕТ

«Наша Страна» начала своё существование ровно 75 лет назад, 18 сентября 1948 года, как редут борьбы за российскую монархию.

С тех пор она, главным образом, приглашает думать. Думать русскими мозгами, а не интернациональными, и отстраняясь от русской безмозглости, как призывал её основатель, писатель Иван Лукьянович Солоневич.

Думать с национальной точки зрения... 75 лет ответственного разговора, горькой правды и надежды – такова вкратце история нашей газеты. Её главный метод – просветительство. «Наша Страна» всегда пыталась формировать почвенные настроения: сперва в среде эмиграции, а затем и в России.

Никем и ничем не ограниченная, «Наша Страна» всегда стояла перед искушением сильного слова. Однако в ней были факты, жёсткие комментарии, беспощадные подробности, нелицемерные выводы, но оскорблений, и ругани не было никогда. У неё были свои кризисы, свои переломы и вывихи, но и излечивалась она сама.

Я поступил на безвозмездную работу в «Нашей Стране», когда ей и мне было только 19 лет, в 1967 году, но не успел познакомиться с её вторым (после Ивана Солоневича) издателем, Всеволодом Константиновичем Дубровским-Левашовым (он скончался годом раньше).

Его вдова, Татьяна Владимировна, урождённая Киреева, унаследовавшая от него газету, понимала, как важно было заручиться на будущее молодой кровью, и почти сразу предложила мне редактировать «Нашу Страну», оставляя за собой всю техническую и финансовую часть работы.

Мы обращались к подписчикам газеты, белым эмигрантам, как к друзьям, на их языке, с их ментальностью, с их темами, и мы пользовались их доверием.

И сегодня, я думаю, сие главное остаётся.

Дружба и доверие, твёрдая уверенность читателей, что газета никогда не сойдет с рельс защиты исконно русских ценностей, выражающихся в девизах «За Веру, Царя и Отечество» и «Православие, Самодержавие, Народность».

«Наша Страна» – уникальное явление в панораме средств массовой информации, и не может быть сомнений в её востребованности. В ней не будет нужды только если она вдруг станет как все остальные СМИ.

Она уникальна ещё и потому, что газета независима от каких-либо внутренних или иностранных обстоятельств – политического, общественного или частного давления. Главное, что она со временем стала приходить в Россию.

«Наша Страна» всегда отличалась стремлением не только споспешествовать уничтожению советчины, но и конструктивностью, распространением достоверной информации, продвижением вечных ценностей, ведущих к восстановлению исторического пути России.

Нужна ли ещё наша газета? Думаю – да. И для России и для остатков Белой Эмиграции. Проекция вовне, распространение православно-монархических ценностей и принципов имеет обратный очень полезный

эффект – это постоянное напоминание самим себе о собственных ценностях и принципах, заставляет держаться их и соблюдать их. Иначе их распространение было бы лицемерием и эти ценности и принципы могут восприниматься как фальшивые. Какое мы имеем право говорить другим о каких-то принципах и ценностях, если мы за них не держимся и не соблюдаем собственные принципы?

А читатель в России имеет уникальную возможность действительно ознакомиться с таким содержанием, которого фактически ни у кого нет.

Ведь информационное пространство в нынешней России (газеты, а также электронные, визуальные средства), полностью подчинены путинскому государству, захвачены им не только для формирования определённого потока информации, но и для искажения мироощущения у российской публики.

Мы всегда пытались преподнести читателю страницы дающие информацию, аналитику, но и хорошие тексты, которые было бы просто приятно читать как литературу.

То, что всегда отличало «Нашу Страну», – наши ценности не менялись никогда, – не меняются они и сейчас.

Завинчивание гаек в России, жёсткий путинский контроль над системой образования – всё это подчёркивает миссию нашей газеты в нынешних

условиях, и она становится ярче и намного более выпуклой, чем, может быть, в 2000 году, когда Путин только приходил к власти.

В чём смысл нашего журналистического стояния?

Тот же самый, который был всегда – говорить о том, о чём нельзя говорить в России или о чём недостаточно говорят. Так или иначе, «Наша Страна» остаётся, со своей маленькой нишей, как единственный печатный рупор белой, монархической мысли.

Чего сегодня, в частности, не хватает в России – это объективного анализа. «Наша Страна» предполагает объективность, незаинтересованность источников и аналитиков. Некий камертон, пункт отсчёта. Наша задача – говорить правду. Это наше обещание читателям.

Последние два года выдались трагическими и постыдными для русских, хотя далеко не все это, увы, осознают. Даже если преступная путинская война не окончится глобальной катастрофой, то страна, и так-то никогда не выздоровевшая от коммунистического рака, окажется отброшенной в своём развитии на десятилетия.

Впрочем, она уже необратимо отброшена назад, и вообще пока непонятно, каким образом народ собирается выбраться из ямы, в которую он свалился по кремлёвской милости.

Недавно один видный депутат Думы, рассуждая о новых наказаниях для тех, кто «поддерживает врага» (понятно, кто имеется в виду, хотя на самом-то деле главный штаб врагов России находится в Кремле), предложил «действовать системно, строго в правовом поле». Вот они и действуют, системно вспахивая это своё усеянное мёртвыми костями поле, как им вздумается.

Копрометируют православие и русское имя, объявляют предателями тех, кто осмеливается думать не так, как они; штрафуют за правду десятки тысяч человек, тысячи за правду арестовывают, десятки и сотни за правду сажают в тюрьмы. Запрещают, запугивают, закрывают, врут, усиливают цензуру.

Первая попытка освободится от советчины провалилась. Анализом причин заняты сейчас все. Но мы не перестаём верить, что истинная религиозность, истинный патриотизм, правда, добро, красота, справедливость и свобода в Россию вернутся.

Издательница «Нашей Страны» Т. В. Киреева-Дубровская и Н. Л. Казанцев в Центре Русских Белых. Буэнос Айрес 1967

Николай Казанцев

ЛЮДИ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

Иван Лукьянович Солоневич

*Даниил Фёдорович Петров
(Владимир Рудинский)*

*Протоиакон Герман
Иванов-Тринадцатый*

*Граф Алексей Петрович
Коновницын*

*Всеволод Константинович
Левашов-Дубровский*

Сергей Львович Войцеховский

Борис Николаевич Ширяев

*Генерал Борис Алексеевич
Хольмстон-Смысловский*

*Татьяна Владимировна
Киреева-Дубровская*

Татьяна Ивановна Концевич

Наталья Николаевна Ткачёва

*Алексей Ростов-Гротов
(Сергей Викторович Сигрист)*

Михаил Владимирович Киреев

*Анатолий Григорьевич
Стенрос-Макриди*

Владимир Николаевич Беляев

*Леонид Николаевич Кутуков
(Николай Кремнев)*

РАЗГУЛ МАТЕРЩИНЫ В ПУТИНСКОЙ РОССИИ

За границей – наплыв бегущих из увязшей в братоубийственной войне Российской Федерации.

Встречаешь их на улице и уши вянут. Две на вид пятнадцатилетние новоприбывшие девчонки во весь голос разговаривают друг с другом трёхэтажным матом. На детской площадке компания юношей и девушек громко матерится, покуривая “травку”. Скамейки в беседке заняты еще одной группой матерщинниц, не знающих ни одного приличного слова. И, наконец, просто столбняк: 30-летние муж с женой ведут за руку пятилетнего сына, и отец буднично разговаривает с ребенком через “б...” после каждого слова!

Выросшие при Путине девушки изъясняются матом без единого слова из словарей Ожегова и Даля. О, бедная Лиза!, о, Наташа Ростова! Ау, вы ещё есть на Руси? Конечно, их готовили на убой. Они же родились при Путине, дети путинизма. А Путин с чего начался? С блатного “мочить в сортире”. Он только первые пару лет президентства разговаривал с подчиненными языком школьных учебников, а затем, укрепившись в Кремле, освободился от тургеневского этикета и стал всем “сопли наматывать на кулак”.

Рыба тухнет с головы, молодежь тухнет с Кремля, это поколение, родившееся в нынешнем веке, Путин вырос в своих телевизионных загонках, как кур на птицефабрике, на пушечное мясо, и как бойцовых псов для зверств в Буче, Ирпене и Мелитополе. Ни курам, ни питбулям не нужны ни Десять Заповедей, ни Пушкин. Путинские питмены, тренеры собак, специалисты по воспитанию боевых питбулей пород “Наши” и “Росгвардия” – Сурков, Мединский, Собчак, Соловьев, Киселев, Кеосаян, Симоньян, Дугин и т. п. – потрудились на славу.

Уже десять лет назад по Москве нельзя было пройти, не увидев и не услышав на каждом шагу молодежь, буднично разговаривавшую матом. Честно говоря, тогда ещё можно было сваливать на московскую погоду. Порою за пять зимних месяцев в Москве было только шесть солнечных дней. В Москве и вокруг неё живёт 20 миллионов человек. Утром, проснувшись, они смотрят в окно, а там глухая хмарь, небо серой портянкой лежит на грязных сугробах. Затем они выходят на улицу, а вокруг голые деревья с раковыми опухолями вороних гнёзд и ледяная корка на собянинской плитке, ноги опасно скользят. Что вырывается изо рта? Добравшись живым до автобусной остановки или до станции метро, что видит человек? Толпу и давку.

Если 20 миллионов взрослых людей трижды как минимум в день отправляют в небо чью-то мать, а с ней и свою чёрную энергетику, то о какой чистой среде обитания для их детей может идти речь?

Но теперь, если вся страна, все 140 с лишним миллионов, ежедневно и многократно посылает чью-то мать, то все матери страны, даже глубокие старухи, ежедневно подвергаются грубому сексуальному насилию.

Так что ж мы удивляемся тому, что российские матери сами позволяют посылать своих сыновей ещё дальше, на украинский фронт и даже за пределы русского алфавита?

До 24 февраля 2022 года, то есть до безумного, преступного,

бессмысленного вторжения на Украину поколение “Пу” жило в границах путинской Российской Федерации, изредка расслабляясь с родителями на турецких и египетских курортах среди своих же сверстников. Эти творческие симпозиумы по обмену матерщиной из разных районов необъятной Российской Федерации выработали универсальный язык общения без употребления почти всех русских слов из словаря Ожегова, за исключением сокращений для ИСМ мобильных телефонов.

Мат легализовался в российских фильмах и на сцене до такой степени, что и в телесериале “Полёт” Петра Тодоровского, внука великого и трепетного лирика Петра Тодоровского, персонажи щеголяют матом, как полвека назад молодежь щеголяла цитатами из Хемингуэя и Булгакова. Между прочим, в его же “Интердевочке”, написанной Владимиром Куниным с реальных питерских проституток, эти проститутки разговаривали и вели себя как леди, а в “Полёте” юные московские леди разговаривают и ведут себя как вокзальные проститутки. Среда обитания...

В спектаклях Константина Богомолова, богохульный – при его-то фамилии! – мат.

А с марта 2022 года эта “Новоречь” хлынула через границы Российской Федерации всюду, куда ведут наземные и воздушные дороги.

В первом, 1861 года, издании “Толкового Словаря Живого Великорусского Языка” Владимира Даля, было 200 000 слов. В новом, 2015 года, издании “Толкового Словаря Русского Языка” Сергея Ожегова от живого великорусского осталось 100 000 просто русских слов, терминов и выражений неясной живучести.

Интересно, смогут ли понимать Ивана Тургенева, Александра Пушкина и Александра Солженицына россияне в ХХII веке, если эта усушка “шагреновой кожи” русского языка сохранится?

Известно, что в начале ХХ века для службы иностранца в британской армии ему нужно было выучить лишь 200 английских слов. Для службы в Росгвардии, ЧВК “Вагнер” и в путинской армии наверняка можно обойтись и меньшим числом, достаточно знать “наматывать соплю на кулак”, “тюкать человека по башке до гробовой доски”, “мочить в сортире”, “подняться с колен и как следует огреть”.

А для тех, кто на школьных уроках “Разговоры о важном” не поддаётся необольшевицкой дрессировке, есть Московский Городской Суд и исправительные колонии.

Историки говорят, что нынешняя волна российской эмиграции не то шестая, не то седьмая. Первые волны дали миру Ивана Бунина, Петра Краснова, Бориса Ширяева, Ивана Шмелёва, Владимира Набокова, Игоря Сикорского, Сергея Дягилева, Сергея Рахманинова, и ещё несколько тысяч, а то и сотен тысяч талантов разного масштаба и калибра. Что, кроме матерщины, вынесло из матерной Российской Федерации поколение “Пу” нынешним девятым валом, покажет время.

А пока от них за версту пахнет сортирной путинщиной.

Евгений Сомов

ДВОЙНОЙ ПЕРЕБЕЖЧИК

Советский офицер-перебежчик 1947 года стал на Западе известным публицистом и автором изданной “Нашей Страной” мемуарной книги «Мы приходим с Востока» (1954). Три года спустя он неожиданно объявился в СССР. Ни одна волна русской эмиграции не дала такого числа загадочных, двусмысленных, мутных фигур, как волна вторая, послевоенная.

Вызвавший переполох сначала в советской зоне Берлина, а затем в Вашингтоне, Борис Николаевич Ольшанский, в октябре 1941 года был призван в армию, в инженерные войска, служил в 35-м военно-дорожном отряде. Войну Ольшанский закончил в Берлине в звании старшего лейтенанта, в марте 1945 года был награждён орденом Красной Звезды.

Но кроме основной инженерной специальности у Ольшанского в Советской Армии была и другая: с сентября 1942 года он был так называемым «внештатным дознавателем» батальона, то есть вёл внутреннее следствие по различным хозяйственным или дисциплинарным делам и затем передавал результаты по инстанции.

В своих мемуарах впоследствии он об этой своей деятельности не говорит, а очерк «Правосудие в Советской армии», в котором он об этом рассказывает, был напечатан в журнале «Социалистический Вестник» под псевдонимом Б. Орлов. Но мы можем быть уверены, что автор действительно Ольшанский, ибо сохранилась его переписка с редакцией о публикации и требования гонорара.

Из очерка следует, что за три года как внештатный дознаватель Ольшанский закончил 38 дел, из них 21 было передано в Военную Прокуратуру. В очерке, впрочем, он останавливается на примерах, которые имеют скорее, коррупционную составляющую.

После войны Ольшанский демобилизуется, но остаётся в Германии. 5 сентября он с новой женой немкой Гердой бежит на Запад и на второй день побега оказывается во Франкфурте-на-Майне. Вскоре он становится журналистом на вольных хлебах, подрабатывая, как и многие другие ди-пи, чем придётся.

Он оказался готовым сотрудничать с эмигрантскими изданиями всех сторон политического спектра: от социал-демократов в «Социалистическом Вестнике» в Нью-Йорке, через бывших власовцев в СБОНРе (Союзе борьбы за освобождение народов России) в Мюнхене, до монархистов из брюссельского «Часового» и буэнос-айресской “Нашей Страны”.

Подобная широта охвата неизбежно вынуждена была сочетаться с широтой убеждений, и Ольшанский в своих публикациях 1949–50 годов подстраивается, в зависимости от газеты, к запросам аудитории. В «Социалистическом Вестнике» им публикуются критические материалы о сталинском режиме, в СБОНРовской «Борьбе» старший лейтенант-орденоносец оказывается закоренелым власовцем: «Изменником Власов мог быть только в глазах Сталина и его клики. Для россиян – сын народа, бывший советский генерал, изменив прежним своим политическим убеждениям, только пришёл, вновь возвратился к народу. И не вина генерала, а его личная трагедия и несчастье, что исторические обстоятельства сложились так,

что он должен был бороться рука об руку с немцами и затем погибнуть, не получив возможности организовать широкий русский фронт против Советов, не найдя вовремя понимания политической обстановки ни в среде гитлеровского правительства, ни позже у обманутых советами англо-американцев».

Поэтому не стоит удивляться и тому, что в публикациях в «Часовом» становится, монархистом. «2 марта 1917 г. Царь Николай II должен был не отречься от престола. Вспомните пример Царя Николая I 14 декабря 1825 г». «... Лавр Корнилов несомненно героическая, светлая личность в нашей истории... Керенский должен был пойти на соглашение с Корниловым и Савинковым в деле спасения страны от грядущего тоталитаризма». «Несомненно хорошо было бы для России, если бы тогда, или в 1918 г. самое позднее, удалось расстрелять ленинско-зиновьевскую компанию, а не позволять ей «скрываться в финляндских шалашах». Держать надо было, тверже держать кормило власти в столь роковой для Родины час».

Ольшанского пригласили дать показания перед комиссией Мэддена, американского Конгресса, расследовавшей катынское дело. Изложение его рассказа через пару дней было также опубликовано в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово». Эта история привлекла внимание и советских чекистов, один из которых получил задание разобраться с этим делом, а впоследствии, уже после перестройки, написал воспоминания об этой истории, опубликованные в сборнике «Чекисты Татарии».

Показания перед комиссией Мэддена Ольшанский давал уже в США, куда вместе с семьёй выехал на пароходе в конце 1951 года.

Последний год жизни в Германии он провёл в Мюнхене, где как раз квартировала экспедиция Гарвардского Университета, изучавшая на основании интервью с русскими эмигрантами жизнь за Железным Занавесом.

Для экспедиции Ольшанский стал настоящей находкой, его интервьюировали практически по всем темам (девять интервью общими числом более 300 страниц, интервью оплачивались, так что это и хронически худому семейному бюджету помогло).

Казалось, что после переезда в США дела Ольшанского пошли на лад, он активно публикуется в «Новом Русском Слове», как с воспоминаниями, так и участвуя в актуальных эмигрантских дискуссиях, пишет скрипты для радио.

Нельзя не вспомнить известный спор о морлоках. Так как в те времена писатель Толкин был ещё куда менее известен, чем Уэллс, то линия раздела проходила не между эльфами и орками, а между элоями и морлоками. Обсуждался вопрос, превратился ли советский народ за железным занавесом в «морлоков», в «стадо зверей, сдерживаемых только чекистами», или ещё нет. И действительно ли они, следуя дурной ответственности времён Чингисхана, «с радостью подчиняются угнетателям, и если они свергают одну группу угнетателей, то вскоре устанавливают у власти новых жестоких правителей».

Ольшанский выступал против тезисов о возникновении «Хомо Советикус». Неслучайно он начинает

печататься в «Нашей Стране», которая тоже ведёт активную дискуссию на эту тему. Когда Иван Солоневич через пару месяцев умирает, Ольшанский посылает в «Нашу Страну» некролог, в котором пишет, что всегда уважал Солоневича как негибаемую в поисках и утверждении правды душу.

Благодаря этому знакомству ему наконец удастся издать свои мемуары, для которых в Нью-Йорке издателя не нашлось. Труды издателя «Нашей Страны» В. К. Дубровского-Левашова они выходят в 1954 году в Буэнос-Айресе под названием «Мы приходим с Востока». Первая часть посвящена войне, вторая послевоенному быту Карлсхорста, советского анклава в Восточном Берлине.

К этому времени Ольшанский уже преподаёт русский язык в Джорджтаунском университете, куда его по знакомству устроил солидарист Константин Болдырев.

Он атакует социалиста Николаевского, одного из лидеров Лиги за Народную Свободу: «Горе-злосчастье... Б.И. Николаевского в исповедуемых им мёртвых, для народов России бесповоротно опороченных партийно-политических идеалах. От этих «идеалов», если не сознательно, то интуитивно сторонится большинство российской, любого «возраста» эмиграции».

Он также критикует Гарвардский советологический проект, по его мнению настроенный чересчур марксистски: «Считаю необходимым отметить, что... проводилась в исследовательской работе линия отсутствия критики «чистого марксизма», своеобразного оправдания этой политической концепции и подбора материалов от беженцев, якобы, ставящих в СССР вопрос только об очищении марксизма от сталинских плевел, при полном отпадении возможности установления в историческом будущем каких-либо иных социально-политических государственных систем».

Достаётся Николаевскому как «марксисту с сильно выраженным маккиавелизмом в практических взаимоотношениях с людьми и в работе, с недостатком терпимости (толерантности) к инакомыслящим. «Сталин в эмиграции» - прозвище, данное Б.И. Николаевскому одним из послевоенных эмигрантов».

Интересно, что параллельно с созданием этих инвектив Ольшанский сам попадает под колпак Федерального Бюро Расследований.

В начале осени 1954 года ФБР опрашивает американских знакомых Ольшанского, которые характеризуют его как антикоммуниста, но в то же время: «Согласно м-ру Климову (Григорий Климов, на тот момент председатель Центрального Объединения Послевоенных Эмигрантов, автор книги «Берлинский Кремль») у объекта есть проблемы с женой и детьми. Объект нервозен и имеет много долгов. Климов указал, что объект занимал деньги у студентов, посещавших его занятия в институте русского языка в Джорджтаунском университете, Вашингтон. Он оценивает долги объекта на данный момент примерно в 3000 долларов. Он полагает, что объект вскоре может быть уволен из-за неплатежеспособности.

М-р Климов указал на вероятность того, что Советы в курсе финансовых проблем Ольшанского. Если это так, возникает дополнительная возможность: Советы могут выйти на контакт с Ольшанского, предложить погасить его долги и попросить снабжать их какой-нибудь невинной информацией. Советы получают в свои руки его подпись под этой информацией и тем самым орудие для шантажа. Климов указал, что объект трусоват и имеет слабый характер. Климов полагает, что если на Ольшанского будет оказано давление, он может поддаться и пойти на контакт с Советами».

Вскоре после этого Ольшанского увольняют из Джорджтауна, семейная жизнь его тоже разлагивается, он начинает всё больше пить. Как дипломатично выразился один из его знакомых перед подкомиссией Сената, «он не пьяница и не алкоголик, но его несколько раз видели сильно подшофе».

В эмигрантских газетах его почти перестают печатать, и хотя он пишет какие-то скрипты на радио, параллельно устраивается на работу в книжный магазин.

Последним изданием, с которым он всё ещё сотрудничает, остается западно-германский «Посев», и волей-неволей он теперь вынужден вести полемику, встав на сторону НТС. Своим друзьям он сообщает, что подыхает от голода: ни денег, ни работы, и если он ещё на год-два задержится в Штатах, то полностью опустится.

Журнал «Посев» предлагает ему работу в Германии, и он намерен отправиться туда. Действительно, через несколько недель из Монреаля отплывает корабль в Германию, но по прибытии в немецкий порт Бремерхафен обнаруживается, что на корабле путешествовали только чемоданы Ольшанского, а сам Ольшанский оказывается в Москве.

Вот отрывок из статьи «Я задыхался в затхлой, антисоветской атмосфере», которую Ольшанский опубликовал в просоветской берлинской газете «За возвращение на Родину» сразу после возвращения в СССР:

«Это письмо пишет человек, который, возможно, знаком вам если не лично, то как автор книжки "Мы приходим с Востока" и многих антисоветских статей в «Посеве», «Свободе», «Новом Русском Слове» - Борис Ольшанский. В 1947 г. я совершил тяжелое преступление перед Родиной - изменил ей и сбегал на Запад. Оказавшись в Западной Германии, я не мог сетовать на отсутствие внимания к моей персоне. Сразу же меня швырнуло в американско-эмигрантский антисоветский омут. Я был свежим человеком для американской разведки и купленных ею эмигрантских антисоветских организаций. Из меня высасывали «материал» для антисоветской пропаганды, толкая на разного рода измышления о моей Родине. Меня афишировали как человека, «избравшего свободу», «борца с коммунизмом», и я безропотно позволял вешать на себя все новые и новые позорные ярлыки. Я писал в эмигрантских газетах, проливал крокодиловы слезы в своих статьях о «страданиях народа России», об «ужасах коммунистического строя».

Я клеветал на свою Родину, которую не так давно честно защищал в рядах Советской Армии, пройдя путь от Воронежа до Берлина. Я участвовал в распродаже всего ценного и святого для русского человека: чувства любви к Родине, собственной чести и человеческого достоинства, а в минуты уединения, наедине с самим собой я боялся себя, бывшего офицера Советской Армии, учителя советских детей, спешил алкоголем залить тлеющие угольки совести. Два Ольшанских боролись друг с другом. За одним стояло прошлое доброе имя советского человека, офицера Советской Армии. За другим - американская разведка, какие-то омерзительные буффональные группы типа НТС, СБОНР, ЦОПЭ. Для того чтобы замаскировать своё чёрное дело, они изобрели «солидаризм», в котором сами же запутались. Посмотрите на их так называемую программу. Это смесь черной злости ко всему советскому с разного рода реакционными идеями. Кто из вас, земляки, понимает на эту тараращину? Ясно одно - на языке честных людей «солидаризм» НТС означает солидарность с плащом и кинжалом, солидарность с продажностью, со службой той разведке, которая больше платит. В пресловутом «Американском комитете освобождения от большевизма», в котором я работал некоторое время, меня тоже пытались одурачить. Мне говорили: «Какой шпионаж? Какая разведка? Разве наш «Американский комитет» имеет какое-либо отношение к разведке? У нас благородные цели». Я сотрудничал с ними. Это позорно, но в то же время именно эти люди открыли мне глаза на многие вещи. Если бы не они, я бы, может быть, еще долгое время не переборол страха за измену Родине. 5 июня с. г. в Канаде я ушёл от них, ушел домой, на Родину, потому что я задыхался в этой затхлой атмосфере. Я решил добровольно отдать себя в руки советского правосудия. Я глубоко надеюсь, что моё добровольное возвращение явится смягчающим вину обстоятельством. Я смело смотрю в будущее».

Возвратившись в июне 1956 г. на родину из США Ольшанский избрал постоянным жильством город Казань, где у него проживает бывшая жена Ольга... В связи с чистосердечным признанием своей вины и раскаянием, а также с его разоблачительными выступлениями в отношении зарубежных антисоветских организаций и американских спецслужб «инстанциями» принято решение к уголовной ответственности за измену Родине Ольшанского не привлекать, а использовать его в мероприятиях по срыву идеологических диверсий.

Уже вернувшись в Казань Ольшанский выступил с заявлением о том, что его «показания» в (комиссии Мэддена) целиком вымышлены, и он дал их под угрозой репрессий со стороны американских властей, а родились они в недрах «Американского комитета борьбы с большевизмом» и являются чистой воды провокацией...

На этом возможности Ольшанского по срыву акций идеологической диверсии были

исчерпаны. После этого он стал настойчиво предлагать свои услуги по обучению сотрудников КГБ в борьбе с изменниками Родины. Это предложение было отклонено.

Затем, как говорится, он ушёл на дно: преподавал математику в вечерней школе рабочей молодёжи, и, живя с первой женой Ольгой, писал тёплые письма в США другой жене Маргарите и детям, вел тяжбу с ещё одной женой - Верой - из-за каких-то вещей. Из Казани никуда не выезжал.

В начале 1957 г. в КГБ стали поступать заявления от лиц, общавшихся с Ольшанским: в одних были возмущения тем, что у Ольшанского наблюдается «полное отсутствие сознания вины или хотя бы некоторого чувства неловкости в связи с побегом на Запад»; в других - о его враждебности ко всему советскому с «высказыванием сожаления, что решил приехать в СССР», в третьих - осторожные выяснения политических взглядов собеседника, как правило, работавшего в оборонной промышленности, прощупывания его настроений, выяснением рода занятий и попытками обратить его внимание на негативные стороны советской действительности.

И вдруг ещё одна новость. В 10.00 часов 10 мая книжный магазин № 1 в Казани посетили сотрудники американского посольства в Москве Морган и Росс - установленные разведчики. При наблюдении за ними было зафиксировано появление в непосредственной близости от них в одном из книжных отделов Ольшанского. Определённый элемент случайности присутствует в расследовании любого дела, но когда Ольшанский оказался в одном зале ресторана «Казань» одновременно с сотрудниками американского посольства Портулупи, канадского - Митчеллом и английского - Дейли и Стенсоном, здесь уже прослеживалась определённая закономерность. Тем более выяснилось, что Ольшанский рестораны города вообще не посещал.

Неожиданно в канун нового 1958 года Ольшанский тяжело заболел - с обострением цирроза печени он был помещен на длительное лечение в больницу, из которой почти не выходил до конца своей жизни, так как заболевание сопровождалось тяжелыми осложнениями... В июле 1958 г. Ольшанский умер от цирроза печени, возникшего на почве злоупотребления алкоголем.

Смерть Ольшанского американская разведка пыталась использовать в своих целях, попытавшись представить как дело рук КГБ. К этому она привлекла его жену Герду Шмидт, которая обратилась к официальным властям с просьбой: «Известие о смерти моего мужа было для меня потрясающе неожиданно. Мой муж никогда не жаловался на болезнь печени за всё время жизни со мной, поэтому мне кажется невероятной эта весть о его внезапной смерти... Прошу мне выслать удостоверение о смерти Бориса. Мир ещё так полон фальши и злобы, что едва ли можно кому-нибудь доверять. Предполагаю, что он умер не естественной смертью»

Ей были высланы история болезни и заключение патолого-анатомического вскрытия.

П. Бондаренко